

Драма отношений виктимного отца и сына: рефлексивный метод виктимодиагностики

Руденская Юлия Евгеньевна

Новосибирский государственный педагогический университет

Новосибирск, Россия, rudenskaja@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1270-6820>

Аннотация. В статье показан механизм применения метода рефлексивной виктимодиагностики художественного фильма, который позволяет концептуализировать понятия социально-психологической виктимологии личности, а также выстроить процесс обучения по магистерской программе «Драматерапия виктимности» в русле компетентностной парадигмы. Цель статьи – раскрыть феномен драмы отношений между виктимным отцом и сыном как особого пространства виктимогенного риска. Статья основана на методологии драматургического интеракционизма, разработанной Е. В. Руденским. Драма отношений рассматривается как вариация патологии межличностных отношений, при которой аттракция заменяется на конфронтацию. Особое внимание уделено компетентности отца как агента социализации и его дефицитам. На основе применения метода рефлексивной виктимодиагностики показана сущность феномена драмы отношений между родителем и ребенком, раскрыта морфология дисфункциональной компетенции виктимного отца, а также раскрывается вариант драматерапии виктимной личности через действие. Автор приходит к выводу, что драма отношений родителя и ребенка может быть решена за счет интервенции драматерапевта, который обладает необходимыми знаниями и компетенциями. Драматерапевт сможет не вовлечься в драму отношений и актуализировать механизмы социогенеза компетенций участников.

Ключевые слова: социально-психологическая виктимология личности, виктимность отца, драматургический интеракционизм, драма отношений, децидивная виктимность.

Для цитирования: Руденская Ю. Е. Драма отношений виктимного отца и сына: рефлексивный метод виктимодиагностики // СМАЛЬТА. 2022. № 1. С. 96–105. <https://doi.org/10.15293/2312-1580.2201.08>

The Drama Relations Between a Victim Father and Son: a Reflexive Method of Victim Diagnostics

Yulia E. Rudenskaya

Novosibirsk State Pedagogical University

Novosibirsk, Russia, rudenskaja@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1270-6820>

Abstract. The article shows the mechanism of applying the method of reflexive victim diagnostics of a feature film, which allows you to conceptualize the concepts of socio-psychological victimology of a person, as well as build the learning process for the master's program in the direction of "Dramatherapy of Victimization" in line with the competence-based paradigm. The purpose of the author is to reveal the phenomenon of the drama of relations between a victim father and son, as a special space of victimogenic risk. The article is based on the methodology of dramaturgical interactionism developed by E. V. Rudensky. The drama of relations is considered by the author of the article as a variation of the pathology of interpersonal relations, in which attraction is replaced by confrontation. Particular attention is paid to the competence of the father as an agent of socialization and his deficits. Based on the application of the method of reflexive victim diagnostics, the essence of the phenomenon of the drama of relations between a parent and a child is shown, the morphology of the dysfunctional competence of a victim father is revealed, and a variant of drama therapy of a victim personality through action is revealed. The author comes to the conclusion that the drama of the parent-child relationship can be resolved through the intervention of a drama therapist who has the necessary knowledge and competencies. The drama therapist will be able not to get involved in the drama of relationships and actualize the mechanisms of sociogenesis of the participants' competencies.

Keywords: socio-psychological victimology of personality, victimization of the father, dramatic interactionism, relationship drama, decide victimization.

For Citation: Rudenskaya Yu. E. The Drama Relations Between a Victim Father and Son: a Reflexive Method of Victim Diagnostics. *SMALTA*, 2022, no. 1, pp. 96–105. (In Russ.). <https://doi.org/10.15293/2312-1580.2201.08>

Интенсивная модернизация науки и образования ставит перед научным сообществом задачи, связанные с поиском новых технологий и методов, направленных на формирование компетентной личности выпускника. Компетентность предполагает знание, реализованное в действии. А значит, для формирования компетентности у студента необходимо предоставить широкий спектр ситуаций для профессиональных действий или их имитации в образовательном процессе.

На протяжении 15 лет нами активно разрабатывается метод рефлексивной виктимодиагностики, подготовлен ряд публикаций, которые демонстрируют особенности применения данного метода в образовательном процессе. Метод рефлексивной виктимодиагностики отрабатывается и адаптируется на материале художественных фильмов, которые содержат эпизоды детско-родительских или иных межличностных отношений. Художественные фильмы, с одной стороны, становятся вариантом динамического кейса, исследуя который мы получаем возможность иллюстрировать в действии категории социально-психологической виктимологии личности,

а значит, лучше их идентифицировать в повседневности, а с другой – фильм выступает своеобразным ментальным тренажером. Сам процесс работы с художественным фильмом в образовательном процессе создает конструктивные основания для абилитации профессиональных умений и навыков у магистрантов направления 37.03.01 Психология по магистерской программе «Драматерапия виктимности».

Нами разработан алгоритм анализа видеоматериала в контексте методологии социально-психологической виктимологии личности. В основе алгоритма – морфология и феноменология интерактивных систем развития личности, которая представляет собой единство взаимосвязанных компонентов:

- субъектный компонент, который представлен развивающейся личностью и агентом социализации (родитель или другой субъект-социализатор);
- процессуальный компонент, который описывает особенности и характеристики культурно-генетической интеракции между развивающейся личностью и агентом социализации;
- межличностные отношения, которые складываются между развивающейся личностью и агентом социализации [7].

Для знакомства с феноменом драмы межличностных отношений между родителем и ребенком (отцом и сыном) мы выбрали художественный фильм «От звонка до звонка» (режиссер Дэвид Маккензи, Великобритания, 2013). Следуя описанной выше логике рефлексивной виктимодиагностики, мы анализируем личности главных героев и определим их онтогенетический статус, раскроем особенности их взаимодействий и через анализ межличностных отношений выйдем на феномен драмы.

Психологическая основа фильма – это драма отношений отца как виктимогенно-агента социализации и ребенка-виктима. Подобная художественная иллюстрация позволяет продемонстрировать феномен драмы отношений, влияния дисфункции компетентности отца на онтологическое своеобразие личности ребенка, а также показывает динамику онтогенетической виктимизации личности в детско-родительских отношениях [6].

Главный герой фильма – Эрик Лав, молодой человек 19 лет, вопреки правилам, его досрочно переводят из детской колонии во взрослую со статусом «Особо опасен». Из сюжета фильма мы узнаем о том, что в 10 лет Эрик убил сожителя своей матери, который совершил противоправные действия сексуального характера по отношению к мальчику.

Эрик пережил двойную травму отношений. Первый раз он лишился отца, которого посадили в тюрьму, а второй – он стал жертвой предательства со стороны сожителя матери, который воспользовался доверием ребенка. В жизненной истории Эрика интерактивные события с близкими людьми сопряжены с травматичным опытом. Травма отношений запускает виктимопластику личности главного героя как попытку сохранить целостность в пространстве постоянно переживаемого внутреннего конфликта.

Эрик собран и дерзок. Он жестко отстаивает свои границы и никого не допускает к себе. Так, сосед-сокамерник, который по-приятельски заносит ему зажигалку, получает смертоносные удары и чуть не лишается жизни. Эрик никогда не расслабляется, он знает, где и с кем он находится.

Эрик, лишенный отцовского воспитания, преданный отчимом, предстает перед нами как brutальный тип виктима. Его виктимность децидивная, так как мы на-

блюдаем манифест функциональной невозможности к полноценному социальному функционированию [8]. Уже в тюрьме терапевт Оливер Баумер, участники терапевтической группы, сосед по камере, надзиратель пытаются выстроить отношения с Эриком, но он яростно нападает на них, отрицая любые варианты эмоциональной близости. Единственный человек, перед которыми Эрик сбрасывает свои психологические защиты, – это его отец, Невил.

Невил Лав, отец Эрика отбывает пожизненный срок и уже никогда не выйдет из тюрьмы. В тюремной иерархии занимает достаточно солидное место, что позволяет ему получить привилегии от охраны и возможность свободно решать свои задачи (передвигаться по колонии, добывать продукты и пр.). В камере Невила мы видим детский рисунок сына, на котором написано «Я люблю тебя, папочка». Это важный момент для рефлексивной виктимодиагностики.

Во-первых, старый рисунок как памятная вещь защищает Невила от отчаяния. Рисунок символизирует иную жизнь, ту жизнь, в которой Невил был счастлив и испытывал позитивные эмоции [10]. Во-вторых, сыну Невила уже 19 лет, но отец продолжает оставаться в прошлом и видит в своем ребенке мальчика, а не мужчину. Весь драматизм общения Невила с сыном основан на этом искажении. Эрик – молодой мужчина, который знает, как за себя постоять, он пришел к отцу в тюрьму, по сути, сделав невозможное. Но Невил игнорирует реальность (ибо реальность тяжела и сурова), а видит ребенка, которого он отчаянно пытается защищать. Этот конфликт формирует ядро драмы отношений Невила и Эрика.

Драматизм ситуации усиливается тем, что Невил также обладает децидивной виктимностью, появление сына актуализирует в нем роль отца, к которой он ни психотехнически, ни функционально не готов. Анализ поведения Невила дает нам возможность говорить о виктимности отца, так как он демонстрирует два ключевых дефицита: функциональную дефицитность и девальвацию личности отца в сознании ребенка [6].

Анализ специфических отцовских функций позволяет описать дефицит функционально-ролевой компетентности как детерминанты функциональной дефицитности Невила. Рассмотрим специфические отцовские функции и особенность их реализации Невилом.

Формирование у ребенка уверенности в своих силах, поддержание чувства безопасности и защищенности. Невил не видит в сыне взрослого мужчину, который уже не нуждается в физической защите. Эмоциональная близость дает особое чувство эмоционального благополучия, создает ощущение, что тебя воспринимают именно таким, какой ты есть. Для создания эмоциональной близости важно принимать человека без критики и осуждения [2]. Эрику необходим эмоциональный отклик отца, психологическая безопасность. Так, в одном из эпизодов Эрик говорит отцу: «Тебе наплевать, как я себя чувствую, ты просто мной командуешь». Но отец как виктим игнорирует запрос на близость, не понимает чувства сына и продолжает раз за разом совершать некомпетентные действия, тем самым обостряя ситуацию в отношениях с сыном и в тюремном крыле.

Создание условий для формирования личных границ. Невил постоянно нарушает личное пространство сына, врывается в его камеру, вмешивается в общение с другими людьми, допускает резкие физические действия и бранные слова, апогей – это когда Невил приходит на терапевтическую группу, чтобы узнать, что там происходит. Он лишает сына единственного эмоционального ресурса в лице терапевтической группы, так как после скандала группу расформируют.

Закладывание основ самооценки и самоидентификации ребенка. Напомним, что отцовская любовь – это условное явление, ее нужно заслужить, в отличие от материнской. Эрик очень старается получить отцовское одобрение. Для мужчины важно понимание, что отец хороший, это помогает с ним идентифицироваться [4]. Со слов главного героя мы узнаем, что его появление в тюрьме осознанно, так он говорит отцу: «Я здесь, чтобы встретиться с тобой. Я начал делать все, как и ты, и продолжаю делать». Эту фразу мы можем трактовать двояко: как обвинение отца в своем нелегком детстве, которое и привело Эрика в тюрьму, и как откровение – ты мне нужен. В контексте сюжета фильма обе вариации имеют место быть.

Выстраивание сценария межличностных отношений. Невил с первой встречи пытается учить Эрика жизни в тюрьме. И здесь тотальная ошибка – отец не учитывает, что сын, попавший из детской колонии во взрослую тюрьму, уже много повидал. Невил не видит реального Эрика, а значит, не может дать ему действительно нужную информацию. Парадокс личности Эрика состоит в том, что при функциональной невозможности он вполне рационален и осведомлен о том, как выжить в тюрьме. Его агрессивное поведение надежно маскирует чувство беспомощности. Мы видим некий аналог псевдокомпетентности – умения выживать в тюремных условиях [9]. Так, Эрик запасается детским маслом на случай избиения со стороны охранников, прячет заточки, использует антенну как оружие и т. д. Он определенно знает, как защитить себя в контексте тюремной субкультуры. Невил осуждает все действия сына, предлагает ему пассивную стратегию (опять игнорируя особенности личности сына).

Помощь ребенку в самореализации, которая в контексте детско-родительских отношений проявляется в способности действовать, рисковать, переживать трудности. Эрик выбирает brutальный тип самоутверждения, он активно борется за место в тюремной иерархии, не преклоняется перед авторитетами и администрацией. Так, после попыток опустить его в столовой, он крадет зажигалку у повара, смакует свое превосходство в этой ситуации. Он использует драку с охраной как демонстрацию своей готовности защитить себя. Его действиями восхищаются члены терапевтической группы, они дают позитивное подкрепление такой модели утверждения себя. Данная стратегия самореализации критикуется отцом.

Налаживание отношения с социумом, отец как пример для подражания и наставник во взаимоотношениях вне семьи. Невил пытается ввести Эрика в свой круг тюремных связей, активно демонстрируя особый, привилегированный статус. Но вновь слишком поздно, Эрик уже мужчина и сам выбирает, как строить отношения и с кем. Отец не принимает заявку на самостоятельность сына. Показательна ситуация в спортивном зале, когда Невил буквально следит за Эриком. Когда сын получает удар от напарника на тренировке, отец вмешивается, тем самым унижая сына перед другими мужчинами.

Невил в каждом своем действии в роли отца проявляет дисфункциональность, которая в финале фильма могла привести к трагедии. Он не знает, как себя вести с сыном, не понимает, что Эрику на самом деле нужно, а продолжает ригидно и некомпетентно действовать. Естественно, это обостряет драму отношений отца и сына.

Вторая характеристика виктимного отца, которую мы наблюдаем у Невила, – девальвация образа родителя. Эрик попадает во взрослую тюрьму для того, чтобы увидеть отца, ищет у него психологической поддержки, но разочаровывается в отце.

После их драки мы явно слышим обвинения в адрес отца, разочарование в том человеке, каким он стал.

Генетически девальвация образа отца связана с дефицитом психотехнической компетентности. Данная компетентность определяет то, как отец самопрезентует себя в обществе и отношениях. Отец демонстрирует ребенку, что сам является субъектом своих действий, тем самым укрепляя авторитетную позицию, и транслирует опыт действий в статусе субъекта.

Рассмотрим дисфункции в работе компонентов психотехнической компетенции личности Невила.

1. *Когнитивно-регулирующие схемы*, которые представляют собой ментальную матрицу отца, его категории и критерии, которыми он описывает мир в целом и отдельную социальную ситуацию. Эрик воспитывался не Невилом, у них резко диссонируют понятия, что такое хорошо, а что такое плохо. Невил призывает к тихой жизни в тюрьме, а Эрик как бунтарь стремится свергнуть сложившуюся иерархию. Ментальные матрицы отца и ребенка находятся в конфронтации, что приводит к высокой конфликтности их отношений.

2. *Эмоционально-регулирующие схемы* – это те эмоции и чувства, которые отец проявляет и на проявление которых дает негласное разрешение ребенку, а также способы восстановления эмоционального благополучия в случае его утраты. Невил во взаимодействии с сыном демонстрирует недовольство, раздражение, гнев. И это диссонирует с его заботливой линией поведения. Так, он приходит к сыну в карцер, приносит ему еду, вещи, но жестко отчитывает за инцидент с соседом. Невил не умеет регулировать свои эмоции, постоянно срывается на сына. Так, инцидент на терапевтической группе возникает абсолютно на пустом месте, отец недоволен словами сына и начинает публично на него срываться. Мы видим, что эта ситуация стала триггером для Эрика и создала порочный круг агрессии (Эрик подначивает соседа на драку).

3. *Действенно-регулирующие схемы* – это система действий и поступков, которые отец применяет в отношении ребенка, то, как он демонстрирует свою власть и как ее поддерживает. В этом компоненте Невил совершает тотальную ошибку, пытаясь силой и эмоциональным прессингом заставить сына слушаться. Вербальная агрессия, физические нападки – все это приводит к тому, что сын вступает в противоборство с отцом. И здесь Невил пасует, он не наносит ударов сыну, а позволяет ему победить. Это злит и унижает Эрика. Отец растравил его на борьбу, но отступил. Эмоции не получают должной разрядки. Невил вновь актуализирует тщательно маскируемое Эриком чувство беспомощности.

4. *Мотивационно-регулирующие схемы* – это то, какими мотивами руководствуется отец в своих взаимоотношениях с сыном. В фильме отчетливо показано, что отношения Невила и сына носят компенсаторный характер. Отец не видит реальную личность сына, игнорирует его запросы и потребности. Общаясь с Эриком как с ребенком, Невил пытается вернуть прошлые ощущения, пытается скрыть свою уязвимость и виктимность.

5. *Культурно-регулирующие схемы* – это то, что себе может позволить мужчина-отец, на что наложено табу в конкретной социокультурной реальности. Главные герои находятся в контексте тюремной субкультуры. Невил пытается навязать существующие в их крыле нормы сыну, это ему не удается, так как для культурной трансмиссии необходим эмоциональный контакт, качественные межличностные от-

ношения. Главные герои находятся в драматических отношениях, поэтому все, что транслирует отец, отвергается сыном. Так, Эрик в гневе врывается к тюремному авторитету, плюет ему в лицо и сбрасывает с этажа, тем самым нивелируя кастовый уклад в крыле.

6. *Социально-регулирующие схемы* – это то, что социум, ближайшее окружение ждет от отца. На протяжении фильма мы постоянно слышим призыв окружения к Невилу: «Поговори с сыном», «Утихомирь пацана». Но социально-регулирующие схемы не работают для Эрика, он выходец иной культуры, его травма отношений не позволяет ему сблизиться с отцом и принять его нормативы, понять опасения.

7. *Регулирующие схемы идентификации* – это внутренняя система норм, что значит быть хорошим отцом в понимании личности. Отцовство в понимании Невила – наставление, защита и ограничения. Тупиковая родительская позиция, так как Эрик вырос, он не нуждается в таком отце. Отец для Эрика – единственный человек, которому можно безусловно доверять в этом мире, отец не предаст и не использует сына. Эрик пришел соединиться с отцом, но Невил дистанцируется от сына, игнорируются его запросы на близость. Это все сильнее отдаляет сына от отца.

Дефицит психотехнической компетентности приводит к тому, что образ отца теряет привлекательность для Эрика. И здесь уместна цитата Л. Зойя: «Как в любых отношениях, чтобы быть отцом, недостаточно знать, кто такой отец: надо знать ребенка и иметь отношения с ним» [3, с. 96]. Мы видим, что главный герой находит то, что он ждал от отца в терапевтической группе. Психотерапевт Оливер Баумер смог увидеть в Эрике его реальное Я, но из-за собственной виктимности подключается к драме отношений отца и сына, тем самым создавая драматический треугольник [5].

Позиция психотерапевта в треугольнике – Спасатель, Невил Лав – Преследователь, Эрик – Жертва. Драматические треугольники дисфункциональны, они символизируют патологию межличностных отношений, виктимную организацию личности участников.

Оливер нарушает профессиональную этику и слишком эмоционально реагирует на Эрика. Он видит в главном герое себя в молодости, проецируя свой трудный жизненный опыт на него, берет на себя роль «Миссии». Бесспорно, профессиональные знания помогают Оливеру увидеть причины проблем Эрика, разглядеть травму привязанности и показать конструктивные отношения. Но излишняя эмоциональная вовлеченность мешает рационально увидеть возникшую драму отношений. Оливер допускает непростительную профессиональную ошибку и включает Невила в терапевтическую группу.

Невил в роли Преследователя неустанно следует за сыном, критикует и порицает его действия. Эрик становится для отца постоянным поводом для беспокойства [1]. Он ревнует к Оливеру, к тем близким отношениям, которые психотерапевт создает с Эриком. Так, Невил приходит к Оливеру и нападает на него, обвиняет его в том, что он не знает, что именно нужно его сыну. Невил замыкается в роли Преследователя, больше не воспринимает реальность. Его действия приводят к трагедии. Сыну запрещают ходить на терапевтическую группу, теряется единственная возможность проработать травму привязанности и трансформировать виктимность. Последующие провокации отца приводят к тому, что администрация тюрьмы предпринимает попытку убийства Эрика.

Эрик в роли Жертвы драматического треугольника все сильнее начинает испытывать ненависть к отцу. Драка с отцом показывает зрителю, как сын выплескивает

злость и обиду на отца. Терапевтическая группа была единственным спасением для его беспомощной личности, но он ее потерял. Эрику претит позиция жертвы, ему не нравится, что все видят в нем себя. Так, тюремный авторитет несколько раз подчеркивает: «Ты как я в молодости», отец также приписывает сыну схожесть с собой. Эрик замкнутый и в роли Жертвы идет на бунт. Он избивает отца, нападает на тюремного лидера, символически свергая авторитеты, двигаясь вперед. Но это псевдодвижение, так как психологически он не трансформируется, а только отчаянно выстраивает оборону вокруг своей виктимной личности.

Финал фильма показывает нам спонтанное разрешение драмы отношений отца и сына. Невил нарушает все свои правила, чтобы спасти сына. Он совершает убийство, нападает на охрану, но вытаскивает Эрика из петли. Очнувшийся сын плачет на плече у отца. Эта сцена – кульминация драмы отношений. Отец и сын, которые в отношениях постоянно актуализировали виктимность друг друга, благодаря критической ситуации совершают действия, которые запускают трансформацию их личностей. Драма отношений, которая завязана на конфронтации, сходит на нет при создании аттракции между участниками [9].

Рефлексивная виктимодиагностика художественного фильма «От звонка до звонка» позволила нам проиллюстрировать феномен драмы межличностных отношений, посмотреть его деструктивную динамику, а также раскрывает пути трансформации виктимной личности, которая, согласно методологии драматургического интеракционизма, трансформируется через действие как конструктор и корректор социально-функциональной компетентности.

Таким образом, данная работа, с одной стороны, является примером использования метода рефлексивной виктимодиагностики при анализе межличностных отношений отца и сына. Подобные примеры выступают в качестве нормативного эталона для студентов и магистрантов, которые попробуют самостоятельно провести рефлексивную виктимодиагностику фильма «От звонка до звонка». С другой стороны, мы иллюстрируем теоретические конструкты, которые описывает социально-психологическая виктимология личности, что позволяет педагогам и психологам лучше понимать феноменологию драмы отношений и виктимности отца, а значит, корректно диагностировать тот или иной вариант патологии межличностных отношений.

Драматические отношения между родителем и ребенком – это деструктивный катализатор виктимогенеза личности. Родитель как виктимогенный агент социализации каждым своим действием, отношением только усиливает виктимность ребенка. Поэтому для решения драмы отношений необходима интервенция драматерапевта, который сможет устоять в профессиональной позиции, не входя в треугольники, помочь участникам выстроить качественное общение и совершать компетентные действия.

Список источников

1. Винникотт Д. В. Ребенок, семья и внешний мир. СПб.: Питер, 2019. 272 с.
2. Гибсон К. Л. Взрослые дети эмоционально незрелых родителей: Как научить ценить себя и наладить отношения с родителями / пер. с англ. Е. Терещенковой. Н. Новгород: Изд-во Елены Терещенковой, 2018. 275 с.
3. Зойя Л. Исторический, психологический и культурный анализ / пер. с англ. Н. Ретеюм. М.: Класс, 2017. 352 с.

4. Зотова Ю. П., Летучева М. В. Все дело в папе. Работа с фигурой отца в психологическом консультировании. М.: Класс, 2019. 344 с.
5. Карпман С. Б. Жизнь, свободная от игр. СПб.: Метанойя, 2018. 342 с.
6. Руденская Ю. Е. Виктимология семьи: виктимность отца как актуальная проблема современной реальности [Электронный ресурс] // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2019. № 3 С. 99–109. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42626555> (дата обращения: 13.01.2022).
7. Руденская Ю. Е. Рефлективный метод виктимологической диагностики интерактивной системы онтогенетической социализации личности // PEM: Psychology. Educology. Medicine. 2018. № 3 С. 103–121. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38189699> (дата обращения: 13.01.2022).
8. Руденский Е. В. Драматургический интеракционизм как методология клинической виктимологии личности // PEM: Psychology. Educology. Medicine. 2019. № 1. С. 170–185. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=39547234> (дата обращения: 13.01.2022).
9. Руденский Е. В., Руденская Ю. Е. Виктимайзер как концепт виктимологической концепции ювенальной девиантологии [Электронный ресурс] // Академия образования Великобритании. 2019. № 2 (28). С. 6–16. URL: http://victimolab.ru/wp-content/uploads/2019/04/UK-Zhurnal-2019-_2_28__1_-stranitsy-1-2_6-16.pdf (дата обращения: 13.01.2022).
10. Селани Д. П. Иллюзия любви. Почему женщина возвращается к своему обидчику. М.: Класс, 2013. 264 с.

References

1. Winnicott D. V. *Child, Family and the Outside World*. Saint Petersburg: Piter Publ., 2019, 272 p. (In Russian)
2. Gibson K. L. *Adult Children of Emotionally Immature Parents: How to Teach to Value Yourself and Build Relationships with Parents* / trans. from English E. Tereshchenkova. Nizhny Novgorod: Elena Tereshchenkova Publ., 2018, 275 p. (In Russian)
3. Zoya L. *Historical, Psychological and Cultural Analysis* / trans. from English N. Reteum. Moscow: Klass Publ., 2017, 352 p. (In Russian)
4. Zotova Yu. P., Letucheva M. V. *It's all about Dad. Working with the Figure of the Father in Psychological Counseling*. Moscow: Klass Publ., 2019, 344 p. (In Russian)
5. Karpman S. B. *Life Free from Games*. Saint Petersburg: Metanoia Publ., 2018, 342 p. (In Russian)
6. Rudenskaya Yu. E. Victimology of the Family: Father's Victimization as an Actual Problem of Modern Reality [Electronic resource]. *Bulletin of Pedagogy and Psychology of Southern Siberia*, 2019, no. 3, pp. 99–109. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42626555> (date of access: 13.01.2022). (In Russian)
7. Rudenskaya Yu. E. Reflexive Method of Victimological Diagnostics of the Interactive System of Ontogenetic Socialization of Personality [Electronic resource]. *PEM: Psychology. Education. Medicine*, 2018, no. 3, pp. 103–121. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38189699> (date of access: 13.01.2022). (In Russian)
8. Rudensky E. V. Dramatic Interactionism as a Methodology for Clinical Victimology of Personality [Electronic resource]. *PEM: Psychology. Education. Medicine*, 2019, no. 1, pp. 170–185. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=39547234> (date of access: 13.01.2022). (In Russian)
9. Rudensky E. V., Rudenskaya Yu. E. Victimizer as a Concept of the Victimological Concept of Juvenile Deviantology [Electronic resource]. *British Academy of Education*, 2019, no. 2 (28), pp. 6–16. URL: http://victimolab.ru/wp-content/uploads/2019/04/UK-Zhurnal-2019-_2_28__1_-stranitsy-1-2_6-16.pdf (date of access: 13.01.2022). (In Russian)
10. Selani D. P. *Illusion of Love. Why does a Woman Return to her Offender*. Moscow: Klass Publ., 2013, 264 p. (In Russian)

Информация об авторе

Ю. Е. Руденская – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социальной психологии и виктимологии.

Information about the Author

Yulia E. Rudenskaya – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Social Psychology and Victimology.

Поступила: 14.01.2022

Одобрена после рецензирования: 28.02.2022

Принята к публикации: 05.03.2022

Received: 14.01.2022

Approved after peer review: 28.02.2022

Accepted for publication: 05.03.2022

